

УДК 908

С.В. ЧЕРКАСОВА

(sveta.cherkasova.02@bk.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОЛИТИКА ПО ПРЕВРАЩЕНИЮ ПЕРЛЮСТРАЦИИ В СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ЦАРИЦЫНЕ*

Рассматривается проблема становления и развития системы вскрытия почтовой корреспонденции в дореволюционной России. Определяются особенности перлюстрации на каждом этапе развития и делается вывод о ее превращении в средство политического контроля правительства. В статье используется краеведческий материал.

Ключевые слова: *перлюстрация, почтовая корреспонденция, дешифрование, жандармские управления, Департамент полиции, политический контроль, тайные агенты.*

Перлюстрация – это «тайное вскрытие на почте корреспонденции частных лиц, считающихся подозрительными в каком-либо отношении» [6, с. 328]. Изначально она использовалась для получения информации из дипломатической переписки с представителями иностранных государств. Однако в XIX в. перлюстрация становится средством политического контроля за умонастроениями в государстве.

Тема исследования нашла отражение в исторической литературе. Есть как специальные труды, так и работы, в которых перлюстрация рассматривается в рамках деятельности органов политического сыска и жандармских управлений [2, 8, 11]. Однако исследование данного явления проведено в общегосударственном масштабе, без выделения региональных особенностей. Исключением является диссертационное исследование местных органов политической полиции Е.А. Гончаровой, основанное на материалах Саратовской и Самарской губерний [7].

Целью данного исследования выступает выявление особенностей перлюстрации в дореволюционной России и превращение ее в средство политического контроля.

Перлюстрация относится к секретной деятельности государства, поэтому многие документы имели гриф секретности, а отдельные даже специально уничтожались. Доступ и сегодня к такой информации затруднен.

Таким образом, логично, что одним из первых источников являются источники личного происхождения, а именно записки статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого и материалы М.Л. Воронцова [3, 14]. В них впервые употребляется понятие «перлюстрация».

Почтовая цензура существовала в России и в предыдущий период, но политика просвещенного абсолютизма и влияние Франции стали толчком для складывания перлюстрации как организованного процесса.

Данные источники позволяют определить особенности перлюстрации в эпоху Екатерины II:

- она осуществлялась для выявления умонастроений в союзных державах и отслеживания дипломатической переписки с послами государств, с которыми велись тайные сношения;
- производилось вскрытие почтовых конвертов, перевод, дешифровка и копирование информации для ее дальнейшего использования;
- полученная информация была средством спекуляции, могла испортить репутацию представителей иностранных государств;
- использовалась не только к дипломатической иностранной корреспонденции, но и к корреспонденции некоторых российских подданных, особенно к прибалтийскому дворянству;
- контролировалась лично императрицей/императором;
- осуществлялась приближенными императоров и носила регулярный и систематический характер;

* Работа выполнена под руководством Соловьевой С.В., кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

– проводилась на всей территории России, после включения в состав империи новых территорий (например, после разделов Польши), в них создавались «секретные» экспедиции и направлялись перлюстраторы и все необходимые материалы;

– сохранялось в строжайшей секретности, т. к. нарушало почтовые правила.

К концу XVIII в. российские чиновники перлюстрировали корреспонденцию не только представителей Франции, Пруссии, Польши, но и дипломатов Испании, Гамбурга, Данцига, Любека и т. д. Всего к концу века насчитывалось 30 государств, переписку которых контролировали «черные кабинеты» [11].

Первая половина XIX в. ознаменовалась сохранением официального назначения перлюстрации (отслеживание частной дипломатической корреспонденции). Несмотря на это, либерально настроенный Александр I понимал необходимость сохранения стабильности абсолютистских порядков. Такая политика требовала: сведений о настроениях самых различных групп населения (особенно фрондирующих сановников и членов императорской семьи); необходимостью наблюдать за наиболее радикальными частями политической элиты, присоединенными к империи новых территорий, и следить за настроениями населения, особенно в беспокойных и удаленных от центра районах империи.

В ходе реформы государственного управления появились министерства. Министерство внутренних дел осуществляло всю внутреннюю политику государства. Вследствие этого, в 1810 г. под руководством М.М. Сперанского из МВД было выделено Министерство полиции. Его предшественниками были Комитет высшей полиции в составе военного министра, министров юстиции и внутренних дел для обеспечения «всеобщего спокойствия» (1805 г.), Комитет охранения общей безопасности (1807 г.). Сюда поступали сведения «о подозрительных переписках», открываемых «по Дирекции почт» [13, с. 35–37]. Почтовый департамент вошел в Министерство внутренних дел.

Таким образом, перлюстрация вливалась в систему политического контроля и политического сыска. Основными вехами в структуре ее изменения становились органы политического контроля правительства, которые менялись, расширяли свои полномочия, и изменяли иерархию подчиненности органов.

В начале XIX в. объектом перлюстрации стали структуры российской армии, участвовавшие в военных действиях, а также жители оккупируемых территорий. Вследствие этого начали появляться полевые почтамты на дорогах, почтмейстеры которых выполняли и функции перлюстраторов. Стал осуществляться контроль за перепиской как военнослужащих, так и жителей государств, через которые проходили войска. Конечно, это было связано с внешней политикой и Отечественной войной 1812 г.

Таким образом, в первой четверти XIX в. происходят следующие изменения: усиливается аппарат надзора за подозрительными переписками частных лиц, появляются предпосылки для создания централизованного аппарата полиции, в ведение которого входила бы и перлюстрация, полномочия перлюстраторов смещаются в сторону изучения слухов и суждений о правительстве, злоупотреблениях и притеснениях частных лиц, в частности обо всем, что касается умонастроения подданных. Деятельности перлюстраторов присуждается статус «строжайшей секретности».

Восстание декабристов 1825 г., необходимость централизации власти и аппарата управления полицией привели к созданию в 1826 г. высшей полиции. Проект Х.Х. Бенкендорфа «Об устройстве высшей полиции» был принят 3 июля 1826 г. По нему высшая политическая полиция была учреждена в виде III отделения «Собственной его Императорского Величества канцелярии». Здесь был и абзац, посвященный перлюстрации: «Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, т. к. оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно иметь лишь в некоторых городах почтмейстеров, известных своею честностью и усердием. Такими пунктами являются Петербург, Москва, Киев, Вильна, Рига, Харьков, Одесса, Казань, Тобольск» [4, с. 615].

31 августа 1826 г. особый комитет при правительстве разработал специальные правила по осуществлению перлюстрации. В этих правилах подтверждались те условия, которые существовали до сих пор: сохранение перлюстрации в строжайшей тайне; она должна быть сосредоточена в одном управлении, а конкретно, в почтовом ведомстве [21, с. 282]. Впоследствии второй пункт претерпел значитель-

ные изменения. В тайную деятельность органов полиции начало вмешиваться военное управление, как в столице, так и в регионах. Снятые с писем и копии и выписки по ним из перлюстрационных пунктов шли к начальнику Главного штаба или дежурному генералу. Они же докладывали о материалах императору и сами определяли в какую инстанцию направить их дальше.

В этой системе III Отделение занимало центральное звено в системе функционирования политического сыска. Копии из секретных экспедиций почтового ведомства поступали к руководству III Отделения и по его усмотрению по этим выпискам делались соответствующие распоряжения.

Наряду с III Отделением в 1827 г. исполнительным органом на местах стала жандармерия, которая до этого выполняла функции военной полиции. С образованием нового ведомства жандармские части консолидировались под единым руководством и стали непосредственной силой политического сыска. С 1827 г. вся жандармерия стала существовать в качестве Корпуса жандармов, а в 1836 г. стала именоваться Отдельным корпусом жандармов.

В связи с этими событиями встал вопрос о взаимодействии политического розыска, политического контроля с почтовыми конторами и «черными кабинетами». В результате общее руководство перлюстрацией сосредоточилось в руках: главного директора почт, президента Главного почтового правления, главнокомандующего над Почтовым департаментом, министра внутренних дел и министра почт и телеграфов. Исполнительными, розыскными и наблюдательными организациями, ведавшими отслеживанием «революционных очагов», стали жандармерия и III Отделение.

Таким образом, при Николае I, в отличие от его предшественников, произошло определенное разделение ответственности за дело перлюстрации.

В это время обострились складывающиеся десятилетиями проблемы перлюстрации – это учащение жалоб на вскрытие почтовой корреспонденции, медлительность почтовых отправок, вследствие работы по вскрытию, переводу, дешифровке и запечатыванию и усиление нагрузки на перлюстраторов из-за безграничного расширения масштабов перлюстрированной корреспонденции и депеш. Об этих проблемах мы можем узнать из писем В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. В.А. Жуковский пишет: «Ты только 12 ноября получил первое письмо мое. И так не получил многих. Не понимаю, что делается с письмами. Их читают, это само себе разумеется. Но те, которые их читают, должны бы по крайней мере исполнять с некоторую честностью плохое ремесло свое» [17, с. 282].

С последней проблемой боролось почтовое ведомство. Во второй четверти XIX в. сложилось две тенденции: вероломное вмешательство генералов в полномочия почтового ведомства и как следствие укрепление роли генерал-губернаторов в проведении перлюстрации и усиление революционных настроений в Европе.

В отношении же второй тенденции стоит сказать, что она существовала еще с начала правления Александра I. Однако из-за консервативной политики Николая I, революции в Европе 1848 г. и Крымской войны, ко второй половине XIX в. внимание к перлюстрации усилилось. Стали создаваться новые «черные кабинеты», укрепился надзор за международной перепиской жителей Российской империи, а также иностранцев, находившихся в России и иностранных дипломатов, организовался контроль за перепиской сектантов.

Итак, во второй четверти XIX в. произошло разграничение полномочий между почтовым ведомством и жандармерией, расширение перлюстрации на западном и восточном направлении, увеличилось объемы просматриваемой корреспонденции, усилилась роль генерал-губернаторов в проведении перлюстрации. Особо следует отметить появление сводок за год о деятельности секретной экспедиции и ее масштабах, появление меморандума – таблицы, направляемой императору с кратким изложением содержания и проведенной работы по перлюстрированной переписке, сокрытие деятельности секретной службы за почтовой цензурой.

Во второй половине XIX в. начинается процесс централизации аппарата управления перлюстрацией, большая часть полномочий по вопросам вскрытия, дешифровки, перенаправления корреспонденции сосредоточилась в Министерстве внутренних дел, которому стало подчиняться почтовое

и телеграфное ведомство. Уже к концу 70-х гг. XIX в. Министерство внутренних дел стало обладать некоторой монополией на осуществление тайного контроля за частной и дипломатической перепиской.

В связи с деятельностью революционных организаций в 1883 г. было принято положение «Об устройстве секретной полиции в Империи», которое предусматривало создание таких же отделений в наиболее крупных городах [12, с. 52].

В это же время влияние и эффективность борьбы с революционными очагами III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии начали уменьшаться, поэтому его полномочия перешли к новообразованному Департаменту полиции при МВД. Вместе с этим, ему стал подчиняться отдельный корпус жандармов, который с 1871 г. являлся органом дознания по политическим преступлениям [Там же, с. 54].

Жандармские управления появились в Царицыне после реорганизации аппарата жандармского управления в 1867 г., когда появилось Саратовское губернское жандармское управление. Сущность переустройства заключалась в упразднении пяти округов, которые являлись предметом ведения III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, и создании в губернских городах жандармских управлений. Царицын в то время был уездным городом и находился в составе Саратовской губернии.

Рост революционной активности способствовал расширению географии перлюстрационных пунктов, увеличению объема просматриваемой корреспонденции, изучению новых методов дешифрования переписки (из-за использования революционерами различных видов шифрования), получению справок о содержании писем исключительно через МВД [1, с. 583].

Расширились полномочия перлюстраторов. По докладу «О перлюстрации» (1895 г.), подготовленном министром внутренних дел И.Н. Дурново Николаю II, «на обязанности перлюстрационной части лежит также задержание пересылаемых по почте прокламаций и листов противоправительственного и революционного содержания, а равно старание раскрывать деятельность и замыслы революционеров и других подозрительных в политическом отношении личностей и вообще доставление Департаменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России» [Там же, с. 582].

В преддверии революционных событий до Царицына дошло распоряжение полицмейстера о создании адресного стола. Эта контора облегчала деятельность полиции и тайных агентов по розыску неблагонадежных лиц. Также адресный стол позволял уменьшать радиус поиска тех лиц, которые не указывали в почтовых отправлениях место проживания. Так жандармское управление могло запросить адрес получателя и отправителя [9, л. 15].

Деятельность по вскрытию почтовой корреспонденции и сличению подчёрков регулировалась ст. 1035 Устава Уголовного Судопроизводства и 29 ст. Положения о гласном надзоре. Также дополнение к ним содержится в некоторых циркулярах Департамента полиции, например, в циркуляре от 28 мая 1901 г. № 2740, где фиксировалось, что допускается лишь выемка корреспонденции лиц, привлеченных к формальным дознаниям и отбывающих гласный надзор полиции. За предоставлением корреспонденции обращались в почтово-телеграфное ведомство с письменным обращением [20, с. 65].

В связи с этим стали уничтожаться «черными кабинетами» данные о совершаемой деятельности. В случае чрезвычайных ситуаций главные жандармские управления имели право уничтожать сведения о деятельности не только перлюстрации, но и об агентах, и их надзорной деятельности.

Так, исследователь В.С. Измозик приводит таблицу объема перлюстрированной корреспонденции в начале XX в., по которой в указанные промежутки времени отсутствуют сведения об объеме перлюстрированной корреспонденции и количестве копий, снятых с почтовых отправлений [11]. Отсутствие данных о перлюстрации за 1905–1906 гг. свидетельствует о том, что производилась чистка перлюстрационных пунктов из-за боязни разглашения революционными толпами государственной тайны.

Саратовскому главному жандармскому управлению также подчинялись тайные агенты. Их деятельность была основана на внедрении в революционные организации. Они становились негласны-

ми агентами по «партийной среде», находились при этом на содержании ГЖУ и под его постоянным контролем, подотчетны были тоже ему. Управляющим они докладывали о деятельности участников организации, возможном выступлении, характере прокламаций, брошюр, листовок, для того чтобы полиция уже могла использовать легальные методы: обыск, арест, дознания и др. При этом агентура была тщательно законспирирована, в списках сотрудники оформлялись под псевдонимами.

Секретные агенты были ценными сотрудниками, ведь не каждый мог быть завербован на подобную службу, человек не должен был иметь склонностей к провокации и шантажу. В распоряжении помощника начальника Саратовского ГЖУ в разное время могло находиться от 2 до 5 секретных агентов. Сведения, поступающие от каждого из секретных агентов, впоследствии компоновались в так называемые дневники агентурных сведений.

Учитывая революционную активность и забастовки рабочих в Царицыне, Департамент полиции часто присылал в губернии и уездные города документы о деятельности определенных лиц. Так, помощнику начальника Саратовского ГЖУ в Царицынском уезде 29 марта 1907 г. пришло распоряжение о необходимости выяснения личности, деятельности и сношений Алексея Семенова Новикова [15, л. 22]. Уже через 5 дней Царицынский полицмейстер получил подробный документ, содержащий сведения о личности Новикова, его семейном положении, данные его родственников, характеристику его рабочей деятельности в качестве слесаря, формы его политического участия за последние 5 лет, характер переписки с членами семьи, содержание в них революционных или политических изъяснений [Там же, л. 42-42 об.].

Из почтовых агентов на агентурной службе в Царицыне также числился Беляев Петр Васильевич, под псевдонимом «Иванов» (данные за 1910 г.). За перлюстрирование почтовой корреспонденции он получал жалованье 25 руб. в месяц [10, л. 5]. Такая же расценка характерна и для других агентов, в некоторых случаях вознаграждение доходит до 30 руб. Так жалованье Павлова Александра Владимировича (псевдоним «Петров», с 1909 г.) доходило до 30 руб. в месяц, он был членом Царицынского комитета партии Социалистов революционеров в 1907–1908 гг. [16, л. 1].

Таким образом, к началу XX в. увеличиваются масштабы перлюстрированных писем, денежных отправок, посылок, брошюр, непосредственно связанных с революционным движением в России. Первая русская революция привела к системному изменению структуры организации деятельности перлюстраторов и превращению перлюстрации в средство политического контроля государства. Однако в 1905–1906 гг. к деятельности «черных кабинетов» допускались лишь надежные люди, т. к. противозаконные действия правительства нарушали законодательство о неприкосновенности частной переписки. Со спадом революционных настроений появляется больше сведений о перлюстрированной корреспонденции и агентах, которые числились в революционных организациях и действовали на благо тайной агентуры, в частности к ним относились и почтальоны, которые могли незамедлительно доложить о компрометирующих государство данных.

Литература

1. Анисимов Е.В. Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.
2. Аракелян М.А. Перлюстрация как метод политического сыска в конце XIX – начале XX веков // Вестник Саратов. гос. социал.-экономич. ун-та. 2007. № 5. С. 127–129.
3. Архив князя Воронцова. Кн. 1. М., 1870. С. 459.
4. Бенкендорф А.Х. Проект графа А.Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина. 1900. Т. 104. № 12. С. 615–616.
5. Брикнер А.Г. Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II (перлюстрация) // Русская старина. 1873. Т. 7. № 1. С. 75–84.
6. Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 23. СПб.: Типо-литогр. Ефрона, 1898.
7. Гончарова Е.А. Местные органы политической полиции России в 1909–1914 гг. (на материалах Саратовской и Самарской губерний): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
8. Гребенников В.В. Перлюстрация. Перехват информации. М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/gu/grebennikov-vadim-viktorovich/perlyustraciya-perehvat-informacii> (дата обращения: 01.12.2022).
9. Дело об учреждении Царицынского адресного стола // Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1687.

10. Иванов // ГАСО. Ф. 57. Оп. 4. Д. 68.
11. Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М: Новое литературное обозрение, 2015.
12. Лобанов А.В., Широков Г.Г. История полиции России. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015.
13. Мулукаев Р.С., Епифанов А.Е., Чабан О.К. История отечественных органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений. Волгоград: Волгогр. юрид. ин-т, 1997.
14. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Полное изд. с примеч. Г.Н. Геннади. М.: Унив. тип., 1862. С. 294.
15. Переписка с начальником Саратовского губернского жандармского управления по наблюдению за лицами, находящимися под надзором полиции. Донесение унтер-офицера о приезде в Дубовку к С.К. Минину Геймана и Судовского // Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 166.
16. Петров // ГАСО. Ф. 57. Оп. 4. Д. 144.
17. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Русский архив, 1895. С. 322.
18. Письмо генерал-прокурора кн. Вяземского 10 января 1782 г. // Русский архив. 1889. № 3. С. 397.
19. Предтеченский А.В. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О.П. Козодавлева с Д.П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия. СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 201–209.
20. Савицкий С.В. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний. СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. жанд., 1908.
21. Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. М.: Жуковский: Кучково поле, 2005.

SVETLANA CHERKASOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE POLICY OF TURNING THE PERLUSTRATION INTO THE MEANS
OF THE POLITICAL CONTROL OF THE GOVERNMENT
AND ITS IMPLEMENTATION IN TSARITSYN**

The article deals with the issue of the establishment and development of the system of opening the postal correspondence in the Czarist-era. There are defined the peculiarities of the perlustration at each stage of the development and there is concluded about its turning into the means of the political control of the government.

The material of the regional studies is used in the article.

Key words: perlustration, postal correspondence, decoding, gendarme department, Police Department, political control, secret agents.